

**Для цитирования:** Борисов, С. В.  
Гносеологический пессимизм  
и гносеологический оптимизм  
в контексте гетерофеноменологии  
Дэниела Деннета / С. В. Борисов //  
Социум и власть. — 2025. —  
Т. 22. — № 2. — С. 39–55. —  
EDN VUZNWY.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

EDN VUZNWY  
BAK 5.7.1  
УДК 141.1 + 141.2  
ГРНТИ 02.15.21

## ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕССИМИЗМ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОПТИМИЗМ В КОНТЕКСТЕ ГЕТЕРОФЕНОМЕНОЛОГИИ ДЭНИЕЛА ДЕННЕТА

**Борисов Сергей Валентинович,**  
Южно-Уральский государственный  
гуманитарно-педагогический  
университет, заведующий кафедрой  
философии и культурологии,  
доктор философских наук, профессор.  
Челябинск, Россия.  
SPIN 4447-8503  
ORCID 0000-0003-0335-4405  
Scopus ID 56257560400  
Researcher ID L-3541-2017  
E-mail: borisovsv69@mail.ru

### Аннотация

Статья представляет собой экстраполяцию методологических принципов гетерофеноменологии Д. Деннета на гносеологические проблемы, касающиеся пределов человеческого познания. Научная новизна исследования. Гетерофеноменология дает целостное видение как познавательного процесса, так и познающего субъекта. Поскольку любые события реальности могут быть преобразованы в речевые акты, они тем самым становятся знаниями о реальности, набором данных. Исследователю достаточно составить каталог того, что считается истинным в контексте того или иного познавательного опыта, используя интенциональный, проектный или каузальный способ интерпретации. Гетерофеноменология есть принцип организации

данных. Методы. В статье рассматриваются два предельных вопроса: «существуют ли виды знаний, в которых человеку принципиально отказано?» и «изменяется ли качество человеческого мышления?» Ответ на первый вопрос предполагает наличие информации, которая нам понятна, но которую невозможно получить. Ответ на второй вопрос касается информации, которую мы сможем получить, но которую мы не сможем понять. Позиция гетерофеноменологии указывает на выход из тупика, предлагая акцентировать внимание на следующем вопросе: каковы веские научные основания утверждать что-либо или верить во что-либо? По поводу ответа на этот вопрос в отношении пределов познания (в статье уделяется внимание главным образом проблемам происхождения живого и происхождения сознания) мы предлагаем пессимистическую и оптимистическую позиции. Результаты. Гносеологический пессимизм разоблачает интенциональную установку обратной перспективы, когда интерпретация данных дается в связи с ожидаемыми возможностями и успешным опытом уже достигнутого. Гносеологический оптимизм заключается в исследовании мыслей, отвлекаясь от среды их обитания, когда мысли мыслят сами себя. Не разрушая существующих иерархий можно всякий раз составлять обновленную карту бесконечной сложности бытия. Таким образом, нейтральность гетерофеноменологической методологии расширяет возможности философской работы с предельными вопросами человеческого познания.

### Ключевые слова:

Дэниел Деннет,  
автофеноменология,  
гетерофеноменология,  
гносеологический пессимизм,  
гносеологический оптимизм,  
мышление,  
сознание

*Статья поступила: 24.01.2025*

*Рецензии получены: 19.05.2025*

*Принята к публикации: 25.05.2025*

Права: © Борисов С. В. (2025).  
Опубликовано Челябинским  
филиалом РАНХиГС. Открытый доступ  
на условиях лицензии CC BY-NC 4.0

## Введение

В апреле 2024 года не стало Дэниела Деннета, в философии которого чудесным образом сочетались идеи, которые, с одной стороны, можно назвать пессимистическими, поскольку они не оставляли никаких иллюзорных надежд персонажам «декартовского театра» в контексте автофеноменологии, но с другой стороны, — оптимистическими, поскольку открывали перспективы для гетерофеноменологии. По словам Н. С. Юлиной, «оптимист, верящий в прогресс науки и философии, Деннет выглядит не очень уверенным, когда от него требуется однозначный ответ на вопрос: “возможна ли полная гегемония механицизма?”» [12, с. 73]. Гетерофеноменологию, на наш взгляд, можно рассматривать не только в контексте изучения проблемы сознания, но и в качестве методологии философии науки. Возможно широта подхода и мешала Деннету дать однозначный ответ.

Еще в 1969 году в своей первой книге-диссертации «Содержание и сознание» [16] Деннет обратил внимание на распространенную в философии тенденцию думать о разуме «запутанным способом», которая представляет ментальное чем-то магическим, выходящим за рамки естественных наук. В своих знаковых работах «Гловоломки» [14] и «Интенциональная установка» [20] Деннет выделил три позиции для предсказания и объяснения явлений: физическую (каузальную), проектную (дизайнерскую) и преднамеренную (интенциональную). По словам Деннета, занимая интенциональную позицию, мы приписываем совокупность ментальных состояний тому явлению, которое хотим предсказать или объяснить. Например, я познаю мир с помощью разума, следовательно, «всё действительно разумно, а всё разумное действительно». «Миф» о рациональности структурирует и организует приписывание нами убеждений и желаний другим и регулирует наши собственные мысли. Если же явления «ведут себя» недостаточно надежно и рационально,

чтобы преднамеренная позиция могла захватить власть, мы вынуждены использовать другие базовые позиции: проектную (дизайнерскую) (исследуем структуру, связи, отношения) и физическую (каузальную) (апеллируем к фундаментальным закономерностям «большого мира»).

Начав эту подготовительную работу, в своей книге «Сознание объясненное» [15] Деннет продолжил пересматривать привычные философски нагруженные картины сознания, сделав знаменитое провокационное заявление, за которое получил шуточное прозвище «бостонского зомби»: «Все мы — зомби. Никто не является сознательным». Сознательный опыт — это набор черновиков (*multiple drafts*), которые постоянно переписываются. Конечно же этот опыт не отрицается, просто последовательно устраняются все препятствия для использования стандартных научных инструментов для его объяснения без какой-либо остаточной тайны. Придерживаясь компатибилистских взглядов, Деннет в похожем ключе рассматривал вопрос о свободной воле, разоблачая «экстравагантное» видение свободной воли, которое требует от нас, противореча законам природы, обладать фантастической способностью их нарушать [18]. По его мнению, эту опасную фантазию следует заменить на более приземленное, но более важное понятие, а именно, что мы действуем с такой степенью свободы, проявление которой не выходит за границы наших знаний о естественном мире.

На пути к гетерофеноменологии в книге «Виды сознания» [19] Деннет предельно расширяет понятие интенциональности, под которое подпадают не только живые объекты разной степени сложности, но и физические парные объекты, то есть абсолютно всё, что соответствует принципу «ключ-замок». Если говорить о познании мира, то в этом контексте интенциональность — это установка на интерпретацию явлений с позиции субъекта. У нее есть альтернативы, например, каузальная установка (в отношении физических

объектов) и дизайнерская установка (в отношении культурных, технических объектов). Просто для интерпретации поведения живых существ интенциональная установка наиболее удобна. «Мы не просто разумно рассуждаем относительно того, что будут делать интенциональные системы, мы разумно рассуждаем о том, как они будут разумно рассуждать» [12, с. 66].

От начала до конца Деннет стойко придерживался позиции гуманистического натурализма, которую подкреплял знаниями в области естественных наук и оригинальным прочтением Дарвина, подчеркивающим основополагающее значение естественного отбора, служащего сложной «системой домкратов» эволюции, отвергая всяческие идеи «небесных крючьев». Эти мысли Деннет всесторонне развил в своей книге «Опасная идея Дарвина» [17]. «Опасность» заключается в том, что всё в нас и каждое из наших достижений можно в конечном итоге объяснить и подсчитать, обратившись к бессмысленным, бесцельным и избыточным операциям естественного отбора.

На наш взгляд, идеи Деннета могут быть экстраполированы на гносеологические проблемы, которые касаются пределов человеческого познания. Баланирование на границе знание-незнание есть, по словам И.Т. Касавина и В.Н. Поруса, «экзистенция в науке», которая «не сводится к личным переживаниям ученого, но является социокультурным архетипом, главным фактором динамики коллективного, общающегося субъекта, который не позволяет ему успокоиться на достигнутом даже тогда, когда истина, казалось бы, уже в руках» [3, с. 19]. Гетерофеноменология, предложенная Деннетом, может быть ключом к пониманию вопроса о пределах, поскольку дает целостное видение как познавательного процесса, так и познающего субъекта. Конечно же, гетерофеноменология — это не панацея в области гносеологических проблем, поэтому в статье будет также уделено внимание ее критическому анализу.

### **Что я могу знать или каковы пределы познания: парадигма Канта и гетерофеноменология Деннета**

Можно выделить различные формы знаний, такие как объективные знания (знать «что»), процедурные знания (знать «как»), субъективные знания (знать из индивидуального опыта, «народная психология») и интерсубъективные знания (идеи, широко принятые в сообществах и культурах). Однако разделение знаний на типы не говорит нам, что значит вообще что-то знать. *Nec (non) plus ultra*. Предание гласит, что это было начертано на Геркулесовых столбах, что означало границу известного мира, как предупреждение кораблям, что это путь в один конец. В «Критике чистого разума» И. Кант называет Геркулесовыми столбами границы познания и предупреждает, что эти Геркулесовы столбы воздвигла сама природа, поскольку путешествие нашего разума может распространяться лишь настолько, насколько простирается непрерывная береговая линия нашего опыта [2, с. 672–673].

До Канта предполагалось, что знание должно соответствовать объектам чувственного опыта. Вместо этого Кант утверждает, что, наоборот, объекты чувственного опыта должны соответствовать когнитивным (познавательным) способностям воспринимающего разума. Мир, данный нашему опыту, зависит от структуры и активности нашего разума. Например, тот факт, что мы не можем воспринимать ничего, что существует вне времени или что не имеет протяженности в пространстве, указывает на то, что время и пространство являются фундаментальными формами восприятия, которые должны существовать как врожденные структуры человеческого разума. Разум также должен иметь априорные категории понимания и синтеза, которые обрабатывают данные чувственного опыта и распознают их особенности в соответствии с концептуальной структурой. А поскольку всё, что мы воспринимаем,

«фильтруется» через формы пространства, времени и категории рассудка, мы никогда по-настоящему не можем «знать» действительный (ноуменальный) мир — вещи сами по себе (или вещи-в-себе, или вещи-для-себя (*Ding an sich*)) — а только воспринимать, как они кажутся нам через эти формы, категории, которые являются необходимыми условиями всякого опыта (феноменальный мир).

Поскольку люди могут познавать реальность, только используя человеческую познавательную структуру, и не могут выйти за пределы собственного опыта, наши знания неизбежно ограничены. Поэтому, как утверждает Кант, нет смысла продолжать путешествие нашего разума за пределы опыта и стоит прекратить все попытки познать такие вещи, как внутренняя природа Вселенной, существование Бога, самосознание, свободная воля и бессмертие. Идти дальше будет совершенно безнадежно, так как это «билет в один конец».

Однако, согласно Деннету, в принципе любые события реальности могут быть преобразованы в речевые акты (утверждения, убеждения), то есть быть знаниями о реальности, данными [21, р. 20]. Они могут быть настроены на интерпретацию как речевые акты, с весьма конкретными значениями и тонким временным разрешением. То, что нужно сделать исследователю, — это составить каталог того, что субъект считает истинным в отношении своего сознательного опыта. Этот каталог убеждений конкретизирует гетерофеноменологический мир субъекта. Полный набор деталей гетерофеноменологии, плюс все данные, которые мы можем собрать о сопутствующих событиях в мозге субъектов и в окружающей среде, составляя полный набор данных для теории познания. Она не оставляет без внимания ни объективные явления, ни субъективные явления сознания. Достаточно установить те абстракции, которые измеряют или описывают сложное когнитивное состояние субъекта, подобно тому, как лошадиная сила позволяет точно измерять мощность двигателей,

не базируясь на фантастической идее о наличии в двигателе лошадей. Знания выстраиваются по стандартному формату пропозиционального отношения: *x* верит, что *p*, описывают внутреннее состояние *x*, связывая его с суждением (еще одним видом полезной абстракции, систематизированной в логике). Нам в любом случае нужны убеждения, которые в науке почти полностью формулируются в терминах или интенциональной, или каузальной установки.

«Первичные данные» о мире, которые мы в состоянии получить, чтобы обрести статус научного факта должны быть интерпретированы в речевых актах и стать убеждениями (свидетельствами) об опыте. Даже если мы верим, что у нас есть сознательные переживания, которые мы не можем объяснить, мы всё равно на теоретическом уровне будем вести речь о наших убеждениях, а не об этих переживаниях. Таким образом, гетерофеноменология призывает нас к поиску универсальных средств интерпретации данных.

Автофеноменология «одинокого волка», в которой субъект и экспериментатор — одно и то же лицо, не будет являться наукой, пока исследования «от первого лица» не преобразуются в гетерофеноменологические эксперименты «от третьего лица», ведь ученые всегда признавали необходимость подтверждать или опровергать идеи, которые они получили из интроспекции. Конечно, открытия «от первого лица» могут вдохновлять, направлять, мотивировать, прояснять научную теорию, но они не являются данными, пока не обрели статус убеждения, нуждающегося в объяснении и проверке. Таким образом, гетерофеноменология — это начало теории познания, а не ее итог. Это организация данных, каталог того, что должно быть объяснено, а не само по себе объяснение или теория.

### Плавание вдоль границ Геркулесовых столбов

Для Канта ноуменальный мир находится за пределами познания. Кант

проводит аналогию с «несъемными (врожденными) пространственно-временными очками», благодаря которым открывается сама возможность восприятия. Однако, со времен Канта произошло существенное технологическое расширение наших сенсорных и познавательных способностей. На это постоянно ссылается Деннет в своих работах. Например, посредством компьютерного синтеза можно получить доступ к знаниям, превосходящим кантовские «пределы» человеческого опыта. Таким образом, знание теперь расширяется не за счет «природных», а за счет технологически усовершенствованных человеческих способностей. Правда не ясно, как эти сверх-способности и сверх-познание сделать понятным, то есть «вписать» в рамки человеческого мировоззрения? Да и вообще, обладаем ли мы способностями достаточно гибкого мировоззрения, чтобы оперативно перестраивать его по мере расширения данных о мире? Современные компьютеры, оснащенные множеством цифровых датчиков (оптических, аудио, тепловых, гироскопических и т. д.), воспринимают гораздо больше, чем способен человек. Природа изображений, которые мы видим «на выходе» компьютерного синтеза, в конечном итоге продиктована ограничениями человеческого зрения, упакованными в графическую форму и не выходящими за пределы узкого диапазона электромагнитного спектра, воспринимаемого нашими глазами. Однако «мозги» машин устроены иначе, чем наши, и последствия таких различий дают благодатную почву для спекуляций, которые успешно разоблачает Деннет. Однако проблема в том, что количество знаний, которые можно записать, ограничено ресурсами хранения данных (включая наш мозг), и эти ресурсы, какими бы большими они были, ограничены.

Однако более интересный с философской точки зрения вопрос: существуют ли виды знаний, в которых нам принципиально отказано?

Одним из известных подтверждений этого, является сентенция Л. Витген-

штейна: «О чем нельзя говорить, о том следует молчать». Однако это утверждение Витгенштейн относит только к научному знанию со сложившейся строгой терминологией. Следовательно, «молчание» длится до тех пор, пока не придумана новая терминология. Но мы не можем заранее знать, какие новые инструменты мышления и средства познания будут разработаны с помощью компьютерного синтеза. Как ученик и последователь Г. Райла, Деннет утверждает, что язык определяет пределы знаний, однако, возможно, язык просто описывает то, что мы знаем, но не ограничивает это знание, и у людей всегда была, есть и будет возможность создавать новый язык для описания новых знаний. Например, физик Р. Фейнман утверждал, что физики не могут вести разговор ни на каком другом языке, кроме языка математики [8, с. 22]. Однако логик К. Гёдель доказал, что в любой самосогласованной, основанной на аксиомах формальной математической системе всегда найдутся математические истины, истинность которых невозможно доказать с помощью этой системы [6]. Однако потенциально они могут быть доказаны, если расширить аксиомы системы. Это означает, что математическим истинам нет предела.

Однако остается открытым вопрос: изменилось ли качество нашего мышления или оно осталось прежним?

Т. Нагель в своей знаменитой статье «Каково это быть летучей мышью?» [23] скептически предположил, что для объективного объяснения феноменального (субъектного) опыта нужно уметь объяснить человеку, слепому от рождения, каково это — видеть. В этом утверждении Деннет обнаруживает явные отсылки к автофеноменологии «декартовского театра». В настоящее время с помощью прямой стимуляции мозга вовсе не нужно «объяснять» зрение слепому, он его просто получит как собственный опыт. Кроме того, по мысли Деннета, своим примером с мышами Нагель внес ненужную путаницу в дискуссии о сознании ведь у летучих мышей нет никакого сознания, следо-

вательно, они не могут ничего «объяснить». Их отличие от человека состоит в том, что они не могут рассказывать истории о своем бытии, а мы можем. Летучие мыши могли бы быть сознательными на тех же самых основаниях, как и любая личность, если бы были способны генерировать тексты, на основании которых мы могли бы судить об их мире [11, с. 93].

Да, наши зрительные способности можно расширить с помощью таких инструментов, как телескоп, микроскоп или спектрометр, однако, это не снимает критическую позицию Канта, ведь даже используя эти инструменты, мы не можем познать сам объект, поскольку наше восприятие объекта всегда будет отличаться от самого объекта. Даже наша способность воображения ограничена нашим опытом и нашими мыслями, идеями и концепциями, задающими границы мировоззрения. Новые идеи обычно возникают в результате перестановки уже известного другим способом, однако сам способ перестановки обусловлен этими идеями, делающими что-то неизвестное известным. До возникновения идеи электричества нашим предкам никаким способом нельзя было «вообразить», например, такое кухонное приспособление как тостер. Используя наш сенсорный аппарат, инструменты, способность обнаруживать и анализировать закономерности, лингвистические способности, критическое мышление и воображение, мы можем расширить наши научные знания о мире, но только в границах существующего мировоззрения, исторически сложившегося intersubъективного жизненного мира.

Итак, есть два простых способа понять ограниченность наших знаний. Первый предполагает наличие информации, которая нам понятна, но которую невозможно получить. Например, мы никогда не узнаем, что ел на завтрак Юлий Цезарь. Но если бы какой-нибудь оракул сказал нам, что это вареные яйца с беконом, овощами и сухариками (то есть салат «Цезарь»), мы бы легко поняли, о чём идет речь.

Получается, что информация о завтраке Цезаря в принципе понятна, однако получить эти знания каким-то достоверным способом совершенно невозможно. С другой стороны, некоторые знания недостижимы в принципе. Есть, например, события, происходящие настолько далеко от нас, что из-за расширения Вселенной никакая информация о них никогда не сможет до нас дойти. Световое излучение, «свидетельствующее» об этих событиях, всегда будет удаляться от нас. Поскольку большая часть Вселенной не наблюдаема и, возможно, бесконечна по своим размерам, всё это навсегда останется непознаваемым. Учитывая, что пределы познания либо бесконечны, либо непознаваемы как в математическом, так и в физическом мире, эти пределы подобны горизонту, который отступает по мере нашего продвижения к нему.

Второй способ касается информации, которую мы сможем получить, но которую мы не сможем понять. Наш разум либо слишком ограничен, либо есть что-то, чему вообще нет объяснения. Например, для Канта — это идеи существования души, объективного мира, Бога. К этим нерешаемым проблемам можно еще прибавить проблему объяснения природы сознания, свободы воли и самый главный фундаментальный вопрос: почему вообще существует нечто, а не ничто. Единственное, что нам понятно в этих проблемах — это то, что есть такие проблемы. Возможно, существуют также события, которые наш разум не может постичь ни в одном аспекте, то есть невозможно узнать, ни к чему относятся эти события, ни вообще, что это такое.

В принципе пределы знания установить нетрудно: всё, что нам нужно, — это точно определить, что такое «знание». Деннет определяет знание, как информацию или данные, которые мы осознаем. Информация без ее получателя — это просто часть того, что составляет космос; наряду с энергией и материей, это нечто фундаментальное. Но как только разум воспринимает информацию, она преобразуется в

знание, то есть данные, которые можно использовать. Таким образом, пределы познания связаны с пределами разума и пределами информированности. Мы не можем точно сказать, где находятся Геркулесовы столбы границ разума. Всё, что мы можем сказать, — этот предел есть. У информации также есть предел: пространство и время. Пока известно только одно существо, способное всё это охватить, — Бог. Постигание божественного возможно только «выходя за пределы» привычного восприятия, привычных представлений, привычного языка, привычного знания, привычного поведения, привычного образа жизни, привычного опыта. Чтобы постичь Бога надо для всего этого умереть.

Однако смерти, как правило, предшествует процесс умирания. Постигание Бога будет кульминацией этого процесса. Возникает вопрос: возможно этот процесс рассматривать с гносеологической позиции как обретение нового знания? Л. Пол определяет смерть как «окончательный трансформирующий опыт» [24, р. 111]. Имеется в виду не само состояние смерти, при котором личность перестает существовать, знание об этом опыте получить невозможно. Но если гносеологически подойти к самому процессу умирания, кульминацией которого является конец жизни человека, понятая таким образом смерть, является «эпистемически преобразующей», потому что мы не можем знать, что значит умереть, пока не испытаем умирание, и этот опыт может дать нам новое понимание мира. Смерть прежде всего «преображает личность» на феноменологическом уровне, потому что меняется восприятие мира, смерть не похожа ни на один другой преобразующий опыт. Знание о смерти является предельным не только потому, что оно окончательное, неизбежное и всеобъемлющее, но и потому, что оно имеет фундаментальное значение для жизни. Это тот вид преобразующего опыта, на фоне которого или на основе которого можно рассматривать все другие преобразующие пережива-

ния, он меняет нашу интенциональность.

Согласно Деннету, рациональность требует, чтобы мы прогнозировали вероятные результаты вашего выбора, включая то, каким будет для нас полученный в результате новый опыт, чтобы мы оценивали результаты в соответствии с некой системой ценностей, чтобы мы сопоставляли свое решение с нашими предпочтениями. Однако проблема в том, что невозможно адекватно представить, каким будет этот опыт смерти, прежде чем мы начнем его переживать, и невозможно определить, какую ценность этот опыт будет иметь для нас, потому что этот опыт изменит все наши ценности и предпочтения. Барьер, который смерть воздвигает воображению, имеет совершенно иной уровень сложности, чем любой другой познавательный опыт. Можно ли решить эту проблему с позиции гетерофеноменологии?

Мы считаем, что это возможно, если учесть эмпирическую сторону активного умирания и его кульминацию в состоянии смерти. Напротив, философские дискуссии, которые следуют эпикурейскому определению смерти как состояния растворения или уничтожения, или которые определяют смерть просто как отсутствие сознания и жизни являются тупиковыми как раз в силу присущей им автофеноменологической установки. Трансформирующий опыт умирания, таким образом, ставит под вопрос именно самоощущение, которое использовалось для постановки проблемы трансформирующего выбора, а именно, опыт самости как рационального, автономного агента, контролирующего свою жизнь и свое будущее.

Принципиальный отказ от контроля сильно отличается от того типа контроля, который мы должны осуществлять, делая преобразовательный выбор, пытаясь привести будущее в соответствие с системой ценностей и предпочтений. Действительно, часть проблемы, которую представляет преобразующий опыт смерти, заключается именно в том, что

чувствуется острая потребность найти способ преодолеть (отпустить) чувство себя как контролирующего. Тем не менее, этот отказ от контроля может быть рациональным. Он может возникнуть в результате точного восприятия того, как обстоят дела, а именно, бытия, вышедшего из-под контроля, а также из принятия, расширяющего способность понимания. В этом суть рационального подхода к смерти.

В жизни мы можем либо выбрать новый опыт ради того, что он нам открывает, включая новые субъективные ценности и открытие нового чувства себя, либо мы можем отказаться от откровения и утверждать свою нынешнюю жизнь. Однако в случае смерти мы не можем отказаться от трансформации. В какой-то степени мы можем выбрать то, как нам это пережить: либо принять трансформацию и то, что она может открыть, либо пытаться сопротивляться и бороться с ней до самого конца. Понимание и готовность к этому выбору может быть названо рациональным подходом к смерти. Здесь «рационально» означает проявление способности к наблюдению, пониманию, выбору и отпусканию. Это не означает теоретико-ограниченную инструментальную рациональность, наоборот, такое размышление может помочь отчетливее осознать границы бытия.

Следуя М. Хайдеггеру, можно сказать, что смерть — это не только наша предельная и неизбежная трансформация, но и та, которая полностью индивидуализирует нас и что в конечном итоге никто не может отнять у нас или в чём никто не сможет заменить нас [9, § 46–53]. С позиции гетерофеноменологии познавательный потенциал открывается через свидетельство смерти, которое может дать нам представление о том, что значит умирать. Быть свидетелем в этом смысле не означает быть простым наблюдателем. Как пишет Э. Томпсон, «это значит сопереживать собственному уникальному опыту смерти человека и переживать уход этого человека из своей жизни и из мира в целом. Одна из причин, по которой мы

так мало понимаем опыт смерти, может заключаться в том, что наша культура сопротивляется тому, чтобы быть рядом с умирающими и свидетельствовать о реальности смерти» [26, р. 22].

Деннет не оспаривает погружение экспериментатора в область изучаемого опыта, его волнует другой вопрос: есть ли в этой эмпатии что-то большее, чем просто хорошая, знающая интерпретация? Если да, то что это? Далее следует целый набор вопросов: не могут ли женщины проводить исследования сознания мужчин? не могут ли стройные исследователи изучать феноменологию людей с ожирением? могут ли исследователи без музыкального образования или музыкального слуха эффективно проводить эксперименты по феноменологии музыкантов? Когда доступно руководство от экспертов, безусловно, следует им воспользоваться, но утверждение, что нужно самому быть экспертом (экспертом-музыкантом, экспертом-женщиной, экспертом-толстяком), прежде чем проводить исследование, является, по мысли Деннета, весьма экстравагантным [21, р. 28]. Предположим, однако, что это правда. Если так, то мы должны быть в состоянии обнаружить это, а значит провести исследование, но в таком случае мы должны занять нейтральную гетерофеноменологическую позицию, чтобы проанализировать результаты в сравнительных исследованиях. Таким образом, нейтральный курс заключается не в том, чтобы предполагать, что мужчины не могут исследовать сознание женщин и т.д., а в том, чтобы исследовать вопрос о том, можем ли мы обнаружить какие-либо веские научные основания верить в это. Если можем, то мы становимся на путь гетерофеноменологии, планируя эксперименты, чтобы минимизировать помехи и максимизировать эффективность и точность сбора данных.

#### **Что нас ждет за Геркулесовыми столбами: пессимистический ответ**

Из многих загадок, окутанных тайной, выберем особенно трудные, ко-

которые являются, по сути, неразрешимыми проблемами. На наш взгляд, в контексте исследований Деннета, их три: почему существует нечто, а не ничто (происхождение вещей); как из неорганической материи возникла жизнь (происхождение живого); и как жизнь начала осознавать себя и свое окружение (происхождение сознания).

Некоторые физики считают, что у них есть ответ на первую загадку. Например, Вселенная могла возникнуть из ничего благодаря нестабильности квантового вакуума, что каким-то образом обеспечило преобладание вещества над антивеществом [4; 10].

Что касается второй загадки — появления живого из неживой материи — то череда теорий и многочисленные эксперименты, воспроизводящие условия, когда, как считается, зародилась жизнь, ничуть не приблизили нас к связной истории происхождения жизни. Да, мы можем воссоздать механизмы того, как могли возникнуть «молекулы жизни», такие как нуклеиновые кислоты («химические кирпичики» жизни). Но что совсем не ясно — как эти молекулы породили процессы взаимодействия и поддержания динамического равновесия тех сложнейших стабильных структур, называемых организмами.

Некоторым философам кажется, что ближе к разгадке третья загадка — происхождение сознания [1]. Решение, как правило, ищут в эволюционной теории. Сознание дает организмам преимущество, следовательно, чем больше развито сознание, тем больше преимуществ. Таким образом, переход от первого проблеска разума к богатому и сложному сознанию объясняется естественным отбором, производящим спонтанные мутации, когда выживают более сознательные.

Однако с позиции гетерофеноменологии Деннета есть по крайней мере две проблемы, которые не стыкуются с этим предполагаемым объяснением: во-первых, какую роль играет сознание и, во-вторых, какие преимущества оно дает.

Важно не начинать историю с конца, со сложных, изощренных организмов,

таких как высшие млекопитающие, каковыми являются люди. Да, мы явно осознаём окружающую среду и это помогало нашим предкам находить пищу, партнеров для воспроизводства потомства, избегать хищников и более или менее комфортно существовать за счет совершенствования трудовых операций и создания искусственной среды обитания. Если наша жизнь зависит от сознательного взаимодействия с миром, то, естественно, ничего лучше сознания не найти, а потеря сознания обрекает нас на смерть, поскольку мы лишаемся привычного приспособительного механизма.

Но начинать с таких существ, как мы, — это и значит «ставить телегу впереди лошади». Многие из способностей, на которые люди ссылаются в ответ на вопрос «зачем им сознание?», появляются только после того, как сознание развилось до такого высокого уровня сложности, который, например, позволяет сознательно использовать уже усовершенствованные возможности: сложную реакцию на ситуации, избирательное внимание, мотивацию и т.д. Однако следует начинать с начала, а не с конца.

Например, задумаемся, имеет ли сознание какую-то ценность для светочувствительной клетки, воспринимающей падающий на нее свет? Ответ — нет. То же самое относится и к более сложным организмам. Например, было бы у дерева больше шансов на выживание, если бы оно осознавало, что на его листья падает свет? Тоже нет. Следовательно, вывод будет такой: только «подогнанные» под физический мир бессознательные процессы, которые в конечном итоге приводят к образованию этой клетки, должны идеально совпадать с теми физическими процессами, необходимыми для существования и воспроизводства этой клетки, то есть жизнью правит не сознание, а бессознательное. Конечно, в этом можно увидеть преувеличение в духе витализма, ведь что или кто управляет жизнью, по-прежнему находится за пределами нашего познания, хотя мы, как разум-

ные существа, активно стремимся найти ответ на этом вопрос.

Если нет оснований полагать, что разум примитивных организмов даст им преимущество над конкурентами, то нет и отправной точки для эволюционного путешествия к сложному сознанию, которое мы видим у более высокоразвитых организмов, каковыми являемся мы сами; нет никаких оснований полагать, что осознание процессов внутри и вокруг организма повысит способность этого организма манипулировать ими в своих интересах. Ведь наиболее успешными организмами, как с точки зрения видовой выносливости, так и с точки зрения влияния на планету, являются бессознательные бактерии, существующие уже 2,5 миллиарда лет. Это бросает вызов утверждениям об эволюционных преимуществах сознания («небесных крючьях», в терминологии Деннета) — и, более того, критериям его эволюционного успеха.

Конечно, сознание более высокого уровня имеет очевидные преимущества. Но это правомерно только в случае обратной перспективы, когда мы руководствуемся ожидаемыми возможностями, успешным опытом уже достигнутого, то есть, по сути, исходим из автофеноменологической установки. Тот же контраргумент можно применить и к другим «преимуществам», приписываемым более высоким уровням сознания. Комплексный сенсорный («феноменальный») опыт человека побуждает к деятельности, выходящей за рамки полезности с точки зрения выживания. Тем не менее, такая деятельность, как не парадоксально, может принести дополнительную функциональную выгоду — новые навыки, новые технологии. Поэтому не случайно человек как *Homo ludens* одновременно и *Homo faber*. Но даже если бы такая изощренность сопровождалась хотя бы каплей разума, всё равно не ясно, был бы организм более приспособленным и имел бы преимущество над неразумными конкурентами. Ведь возможность сделать что-то правильно влечет за собой возможность сделать

что-то неправильно. Хотя естественный отбор может благоприятствовать тем организмам, которые чаще делают что-то правильно, чем ошибаются, неясно, какое преимущество дает возможность оценивать и делать свободный выбор организму перед другими организмами, которые реагировали бы чисто механически, бессознательно. Ведь механизмы неразрывно слитые с природой не могут ошибаться, так как у них нет выбора, а сознание ошибаться может. Конечно, можно утверждать, что прекрасно приспособленные к выживанию в природе организмы зачастую погибают, будучи помещены в другую среду, а «неприспособленные» с точки зрения природы сознательные организмы научились не просто выживать, а создавать комфортную для себя искусственную среду обитания. Однако рассуждая так, мы опять становимся на позицию обратной перспективы, полагая себя высшей точкой эволюционного развития, обращая внимание только на те «преимущества», которые оправдывают наше нынешнее положение. Но у эволюции нет конечной точки, любое состояние переходное.

Когда мы размышляем о том, что стало возможным благодаря сознанию, мы склонны упускать из виду то, что достигается в отсутствие сознания. Бессознательных механизмов оказалось достаточно, чтобы осуществить долгий и многоступенчатый переход от безжизненных химических веществ к сознательным организмам. Более того, если бы нам пришлось сознательно обеспечивать большую часть жизненно важных процессов (дышать, поддерживать кровообращение и т.д.), мы бы наверняка не дожили даже до момента нашего рождения. Короче говоря, с биологической точки зрения на фоне того, что обеспечивается бессознательными процессами, сознательная деятельность выглядит какой-то мелочью.

Возьмем примеры из повседневной жизни. Занимаясь спортом, мы зачастую не осознаем, что делаем. И это очень хорошо. Если бы сознание всё

время было «включено», во-первых, оно было бы максимально перегружено, и, во-вторых, как следствие этого, у нас бы ничего не получалось сделать. Самое важное в спорте, чтобы мы интуитивно овладели определенными формами практических знаний, чтобы они были доведены до автоматизма.

Согласно М. Полани, все знания можно разделить на явные и неявные. Все знания начинаются с убеждений или верований и прекрасно закрепленного навыка [7, с. 89]. Примером может служить такая операция как забивание молотком гвоздя. Что здесь осознанно, а что неосознанно? Наше внимание (явное осознание) сфокусировано на гвозде, молоток же находится в области неявного знания (неявного осознания). Эти два вида осознания взаимно исключают друг друга. Если в момент забивания гвоздя переключить внимание на молоток, то согласованного действия не получится. Отсюда Полани делает вывод, что неявное осознание придает смысл фокусу: неявное (вспомогательное) осознание молотка необходимо для фокусного (явного) осознания гвоздя. Таким образом, неявные знания столь же важны, как и явные. Кроме того, невозможно одновременно явно и неявно осознавать одни и те же вещи (мы смотрим на гвоздь, а не на молоток; лучник смотрит на мишень, а не на стрелу).

Неявное знание, как правило, невозможно объяснить, тогда как явное знание объяснимо. Явное знание часто ассоциируется с наукой. Примером неявного знания может быть какой-то навык, например, плавание, езда на велосипеде или автомобиле. Мы не всегда можем объяснить кому-то как мы что-то делаем, хотя прекрасно знаем, как это делать. То же самое и с религиозным опытом. Верующий человек не сможет объяснить или доказать кому-то свою веру, он просто верит. Более того, он будет продолжать верить, преодолевая когнитивный диссонанс, даже если кто-то объяснит и докажет ему, что верить бессмысленно. По мысли Полани, вообще никакое знание не может быть полностью явным.

Значит, хотя иметь развитое сознание может быть и полезно, это удобство не является объяснением его возникновения. В конце концов, есть и другие способности, которые были бы еще более полезны — например, способность организма, столкнувшись с опасностью, дематериализоваться, а затем материализоваться вновь в безопасном месте. Теория эволюции в некоторой степени дает «почему-объяснение» появления определенных особенностей организмов с момента первого появления жизни на Земле, однако сравнительное преимущество в конкуренции с другими видами не подходит ни под «почему-объяснение», ни под «как-объяснение» возникновения сознания [25].

### **Что нас ждет за Геркулесовыми столбами: оптимистический ответ**

Многие полагают, что перед лицом бесконечной Вселенной мы — ничтожные существа. В конце концов, наша планета — не более чем «голубая точка» в огромной солнечной системе, пылинка, затерянная в огромной галактике, которая, в свою очередь, обитает среди других трехсот миллиардов или более галактик в громадной Вселенной. При мысли об этом нас вполне может охватить паскалевский ужас перед бесконечной, слепой и безразличной Вселенной. Однако это предположение о нашей незначительности можно оспорить с позиции гетерофеноменологии. Гетерофеноменолог, поясняет Н.С. Юлина, может исследовать мысли, отвлекаясь от среды их обитания. Обычный вопрос, который задают в отношении нейтрализма, состоит в следующем: что представляет собой гетерофеноменологический мир, в котором мысли сами себя мыслят? Этот мир, говорит Деннет, виртуален. Мир субъекта населен множеством воображаемых объектов, но если мы спросим «что собой представляют эти объекты и из чего они сделаны?», ответ Деннета: «не из чего!» [11, с. 106]. Имеет смысл только значение, которые мы придаем

анализируемым данным [13].

Во-первых, относительный размер сам по себе не может быть мерой абсолютного значения. Сравнение ничего не говорит нам о ценности человека, ведь кит или динозавр не являются более значимыми только в силу своих огромных размеров. Говоря о значимости, мы в первую очередь обращаем внимание на сложность и комплексность системы, а не на ее размер.

Во-вторых, наша предполагаемая незначительность — это не какая-то универсальная закономерность, ибо всё зависит от того, где находится наблюдатель, обладающий привилегированным пониманием самой сути Вселенной, то есть ее абсолютной природы. Поэтому наша предполагаемая незначительность сама по себе не обладает абсолютной, объективной или универсальной ценностью. Более того, возникает вопрос: на основании чего мы, будучи ничем и ничего не зная, озабочены поиском объективной универсальной истины, противореча тем самым осознанию собственной незначительности?

В-третьих, как известно, сознание — это способность быть осведомленным о собственном существовании изнутри. У людей эта способность ярко выражена. Согласно Деннету, в той или иной степени сознание свойственно всему живому, для человека же характерно мета-сознание, то есть способность осознавать само сознание. Человек по сути, а не по природе, — это его сознание, которое, используя терминологию Канта, есть «трансцендентальное единство апперцепции» — атрибутивное свойство субъектности. Субъектность — это не воображаемый гомункул «картезианского театра», а реальность, в которой живет человек. Любой из нас может моментально «переноситься» из объективированной позиции (представляя себя как объект среди других объектов) в субъектную позицию (осознавая себя живым, чувствующим, мыслящим). Переключение регистров происходит моментально. Для человека нет ничего более значимого, чем его сознание.

Это уникальное качество дано сразу во всем объеме. Таким образом, в наше сознание, которое утверждает, что бытие есть, а небытия нет, целиком помещается вся Вселенная со всеми миллиардами разбросанных звезд и пыли, связанных гравитацией и простирающихся на тысячи световых лет.

В-четвертых, как известно, «молекулы жизни» представляют собой наиболее сложные химические соединения из всех существующих. Белки, липиды и нуклеиновые кислоты (ДНК и РНК), а также углеводы, являются результатом всей эволюции Вселенной. Возможно, где-то существуют и другие, еще более сложные молекулы, но если ограничиться только известным нам опытом эволюции Земли, то можно утверждать, что химическая сложность, предполагающая жизнь, приводит к возникновению сознания. Такую сложность никак нельзя считать низшей или менее значимой по сравнению с любым другим телом, структурно менее сложным, даже если это огромное тело.

В-пятых, если «молекулы жизни» представляют собой вершину химической сложности, то возникает вопрос о самой связи между физическим усложнением материи и возникновением жизни. Ибо если повсюду во Вселенной, когда материя достигает определенной высокой степени сложности, может возникнуть жизнь и даже сознательная жизнь, не означает ли это, что сознательная жизнь является одним из условий эволюции Вселенной?

В-шестых, хотя Вселенная ошеломляюще велика, ее огромные размеры могут быть лишь одним из проявлений ее природы, но не отражают ее сути. В явлении, называемом «квантовой запутанностью», группы частиц, такие как два фотона или два электрона, могут быть «запутаны» таким образом, что, если мы воздействуем на одну частицу, другая мгновенно откликнется на это воздействие, независимо от того, насколько эти частицы далеки друг от друга. Тот факт, что эти частицы напрямую не воздействуют друг на друга, позволяет предположить, что несмотря на

то, что эти частицы физически разделены, на самом деле они являются одним целым вне пространства-времени. Это очень похоже на функционирование сознания. Получается, что протяженность (пространство-время) не является абсолютной мерой бытия. Гораздо важнее — связи и отношения, которые это бытие пронизывают.

В-седьмых, существует антропный принцип, сильная версия которого утверждает, что фундаментальные физические константы и параметры Вселенной предполагают возникновение жизни. Если бы значения этих констант были хотя бы немного другими, тогда Вселенная была бы совсем иной и никакая жизнь не могла бы возникнуть. Более того, существование физической Вселенной может быть определено только сознанием, подобно тому, как измерение субатомной частицы вызывает коллапс волновой функции и порождает специфическую «историю» из множества ненаблюдаемых возможностей. Если это так, то сознание, по сути, «выбирает» конкретную Вселенную с ее конкретным набором законов, точно соответствующих факту своего возникновения.

В-восьмых, в свете вышеизложенного получается, что мы находимся не на периферии, а в самом эпицентре космических событий. Геометрия пространства-времени такова, что Вселенная не имеет абсолютного центра. Она больше похожа на надуваемый воздушный шар, при этом каждая точка на поверхности воздушного шара удаляется от каждой другой точки. Спрашивать, где находится центр оболочки воздушного шара, бессмысленно. Но если верно, что физического центра Вселенной не существует, это не говорит о том, что мы не можем постулировать ее абсолютный метафизический центр. Если в самом своем основании, за пределами пространства-времени, реальность едина и абсолютна, мы должны заключить, что ее абсолютный центр находится повсюду. Таким образом, определение центра — это не вопрос его относительного положения, а вопрос онтологиче-

ской принадлежности к абсолютной реальности, и этот центр может быть во всем, что существует.

С позиции недавно появившегося направления философии спекулятивного реализма «объектно-ориентированной онтологии» (ООО) все объекты, а не только человек, помещены в центр существования. Эту позицию также можно отнести к гетерофеноменологической. ООО преодолевает «корреляционистскую ловушку», описанную К. Мейясу в книге «После конечности» как «идею, согласно которой мы можем иметь доступ только к корреляции между мышлением и бытием, но никогда к чему-то одному из них в отдельности» [5, с. 11]. Антропоцентризм, который доминировал в философском дискурсе со времен «коперниканской революции Канта», и возникающий в результате этого раскол между человеком и миром, который требует такое мышление, здесь радикально переосмысливается с позиции гетерофеноменологии. Как утверждает Г. Харман, «отношения человека и мира — это всего лишь частный случай отношений между любыми двумя сущностями, плоская онтология, устраняющая примат отношений человека и объекта и предоставляющая таким образом всем объектам одинаковый онтологический статус» [22, р. 206]. Мировоззрение, отстаиваемое ООО, приближается к чему-то похожему на панпсихизм и определение интенциональности Деннета, при котором считается, что все объекты фактически «воспринимают» свои отношения с другими объектами. Не разрушая иерархий, которые будут угрожать человеческому месту в мире, ООО вместо этого пытается предложить средства, с помощью которых можно составлять обновленную карту бесконечной сложности бытия.

### Заключение

Итак, какова же связь между стандартными объективными методологиями «третьего лица» и методологиями для изучения человеческого сознания?

Можно ли расширить стандартные методы таким образом, чтобы они отдавали должное явлениям человеческого сознания? Или нам нужно найти какую-то совершенно радикальную или революционную альтернативную науку? Деннет защищал гипотезу о том, что существует прямолинейное, консервативное расширение объективной науки, которое щедро покрывает всю основу человеческого сознания, отдавая должное всем данным, не отказываясь от правил и ограничений экспериментального метода, которые так хорошо себя зарекомендовали в естественных науках. Эта методология третьего лица, названная гетерофеноменологией, является также, как было показано выше, надежным способом воспринимать точку зрения первого лица.

«Почему бы в науке не жить по гетерофеноменологическим правилам?» — задается вопросом Деннет [21, р. 29]. Он считает, что нежелание согласиться с гетерофеноменологией обусловлено прежде всего идеологией, а не данными, ведь никто пока не указал на какие-либо существенные данные, недоступные гетерофеноменологии. Деннет полагал, что антагонизм в отношении гетерофеноменологии вызван тем фактом, что сама нейтральность методологии открывает дверь широкому спектру идей. Однако использование «философских аргументов» там, где их невозможно подтвердить или опровергнуть эмпирической демонстрацией, имеет, как заметил Б. Рассел, «преимущества воровства перед честным трудом». Более конструктивный подход признает нейтральность гетерофеноменологии и принимает вызов осуществить, используя ее термины, философскую работу с предельными вопросами человеческого познания.

### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Волков, Д. Б. Бостонский зомби: Д. Деннет и его теория сознания / Д. Б. Волков. — Москва: URSS, 2011. — 315 с. — (Философия сознания). — ISBN 978-5-397-02263-7. — EDN QXDYPX.
2. Кант, И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского /

И. Кант // Кант И. Сочинения: в 8 т. — Москва: Издательство «ЧОРО», 1994. — Т. 3. — 741 с. — (Мировая философская мысль). — ISBN 5-8497-0003-X.

3. Касавин, И. Т., Порус, В. Н. Философия науки: экзистенциальный поворот / И. Т. Касавин, В. Н. Порус // Эпистемология и философия науки. — 2023. — Т. 60, № 4. — С. 7–21. — DOI 10.5840/eps202360452. — EDN IQJCVO.

4. Краусс, Л. Вселенная из ничего. Почему не нужен Бог, чтобы из пустоты создать Вселенную / Пер с англ. А. Бродоцкой / Л. Краусс. — Москва: АСТ, 2016. — 239 с. — (Золотой фонд науки) — ISBN 978-5-17-096627-1.

5. Мейясу, К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / Пер. с фр. Л. Медведевой / К. Мейясу. — Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2015. — 196 с. — ISBN 978-5-7525-3069-2.

6. Паршин, А.Н. Размышления над теоремой Гёделя / Паршин А.Н. // Вопросы философии. — 2000. — № 6. — С. 92–109.

7. Полани, М. Личностное знание: на пути к посткритической философии. / Пер. с англ. М.Б. Гнедовского / М. Полани. — Москва: Прогресс, 1985. — 344 с. — (Для научных библиотек). — ИБ № 12869.

8. Фейнман, Р. Фейнмановские лекции по физике. Т. I (1–2) / Пер. с англ. О. А. Хрусталева / Р. Фейнман. — Москва: АСТ, 2019. — 448 с. — (Фейнмановские лекции по физике). — ISBN 978-5-17-113006-0.

9. Хайдеггер, М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина / М. Хайдеггер. — Москва: Ad Marginem, 1997. — 451 с. — ISBN 5-88059-021-6.

10. Хокинг, С. Краткая история времени: От Большого взрыва до черных дыр / Пер. с англ. Н.Я. Смородинской / С. Хокинг. — Санкт-Петербург: ООО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2015. — 223 с. — (Популярная наука). — ISBN 978-5-367-03596-4.

11. Юлина, Н. С. Головоломки проблемы сознания: концепция Дэниела Деннета / Н. С. Юлина. — Москва: Канон+, 2004. — 544 с. — (Современная

философия). — ISBN 5-88373-224-0. — EDN QXPYYH.

12. Юлина, Н. С. Д. Деннет о проблеме ответственности в свете механицистского объяснения человека / Н. С. Юлина // История философии. — 2002. — № 8. — С. 58–77. — EDN NQYKFB.

13. Azevedo, R. D. Significance / R. D. Azevedo // *Philosophy Now*. — 2024 — No. 162. — P. 24–25.

14. Dennett, D. *Brainstorms. Philosophical Essays on Mind and Psychology*. — Montgomery, Vermont: Bradford Books, 1978. — 353 p.

15. Dennett, D. *Consciousness Explained*. — Boston, Massachusetts: Little, Brown, 1991. — 511 p.

16. Dennett, D. *Content and Consciousness*. — London; Boston: Humanities Press, 1969. — 224 p.

17. Dennett, D. *Darwin's Dangerous Idea. Evolution and the Meaning of Life*. New York: Simon & Schuster, 1995. — 586 p.

18. Dennett, D. *Elbow Room: the Varieties of Free Will worth Wanting*. — Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1984. — 200 p.

19. Dennett, D. *Kinds of Mind. Toward an Understanding of Consciousness*. New York: Basic Books, 1996. — 192 p.

20. Dennett, D. *The Intentional Stance*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1987. — 388 p.

21. Dennett, D. *Who's On First? Heterophenomenology Explained* / D. Dennett // *Journal of Consciousness Studies*. — 2023. - No.10. — P. 19–30.

22. Harman, G. *Towards Speculative Realism*. Winchester, United Kingdom: Zero Books, 2010. — 219 p.

23. Nagel, T. What is it like to be a bat? / T. Nagel. *The Philosophical Review*. — 1974. — Vol. 83, no. 4. — P. 435–450. — DOI 10.2307/2183914.

24. Paul, L. *Transformative Experience*. New York: Oxford University Press, 2014. — 189 p. — DOI 10.1093/acprof:oso/9780198717959.001.0001.

25. Tallis, R. *The How & Why of Consciousness* / R. Tallis // *Philosophy Now*. — 2023. — No. 159. — P. 62–63.

26. Thompson, E. *Death: The Ultimate Transformative Experience* / E. Thompson // *Becoming Someone New. Essays on Transformative Experience, Choice, and Change* / E. Lambert and J. Schwenkler (ed.). — New York: Oxford University Press, 2020. — P. 1–30. — DOI 10.1093/oso/9780198823735.003.0016.

## REFERENCES

1. Volkov, D.B. (2011). *Boston Zombie: D. Dennett and His Theory of Consciousness*. Moscow, Publ. URSS, 320 p. ISBN 978-5-397-02263-7. <https://elibrary.ru/qxdypx>.

2. Kant, I. (1994). *Kritik der reinen Vernunft*, trans. by N.O. Losskij, in: Kant, I. *Works: in 8 vol.* Moscow, Publ. ChORO, vol. 3, 741 p. ISBN 5-8497-0003-X.

3. Kasavin, I.T., Porus, V.N. (2023). *Philosophy of Science: The Existential Turn. Epistemology & Philosophy of Science*, 60 (4), pp. 7–21. <https://doi.org/10.5840/eps202360452>. <https://elibrary.ru/iqjcvo>.

4. Krauss, L. (2016). *A Universe from Nothing: Why There Is Something Rather Than Nothing*, trans. by A. Brodockaya. Moscow, Publ. AST, 239 p. ISBN 978-5-17-096627-1.

5. Meillassoux, Q. (2015) *After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency*, trans. by L. Medvedeva. Ekaterinburg; Moscow, Publ. Kabinetnyi uchenyi, 196 p. ISBN 978-5-7525-3069-2.

6. Parshin, A.N. (2000). *Reflections on Gödel's Theorem. Russian Studies in Philosophy*, (5), pp. 92–109.

7. Polanyi, M. (1985). *Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy*, trans. by M.B. Gnedovskij. Moscow, Publ. Progress, 1985, 344 p.

8. Feynman, R. (2019). *The Feynman Lectures on Physics. Vol. I (1–2)*, trans. by O.A. Khrustalev. Moscow, AST, 448 p. ISBN 978-5-17-113006-0.

9. Heidegger, M (1997). *Sein und Zeit*, trans. by V.V. Bibikhin. Moscow, Ad Marginem, 451 p. ISBN 5-88059-021-6.

10. Hawking, S. (2015). *A Brief History of Time*, trans. by N.Ya. Smorodinskaya. Saint Petersburg, Publ. Amfora, 223 p. ISBN 978-5-367-03596-4.

11. Yulina, N.S. (2004). Puzzles of the Problem of Consciousness: Daniel Dennett's Concept. Moscow, Publ. Kanon+, 544 p. ISBN 5-88373-224-0. <https://elibrary.ru/qxpyyh>.
12. Yulina, N.S. (2002). D. Dennett on the problem of responsibility in light of the mechanistic explanation of man. *History of Philosophy*, ( 8), pp. 58–77. <https://elibrary.ru/nqykfb>.
13. Azevedo, R.D. (2024). Significance. *Philosophy Now*, (162), pp. 24–25.
14. Dennett, D. (1978). Brainstorms. Philosophical Essays on Mind and Psychology. Montgomerly, Vt., Bradford Books, 353 p.
15. Dennett, D. (1991). Consciousness Explained. Boston, MA, Little, Brown, 511 p.
16. Dennett, D. (1969). Content and Consciousness. L.; Boston, Humanities Press, 224 p.
17. Dennett, D. (1995). Darwin's Dangerous Idea. Evolution and the Meaning of Life. N.Y., Simon & Schuster, 586 p.
18. Dennett, D. (1984). Elbow Room: the Varieties of Free Will worth Wanting. Cambridge, Mass., The MIT Press, 200 p.
19. Dennett, D. (1996). Kinds of Mind. Toward an Understanding of Consciousness. N.Y., Basic Books, 192 p.
20. Dennett, D. (1987). The Intentional Stance. Cambridge, Mass., The MIT Press, 388 p.
21. Dennett, D. (2023). Who's On First? Heterophenomenology Explained. *Journal of Consciousness Studies*, (10), pp. 19–30.
22. Harman, G. (2010). Towards Speculative Realism. Winchester, UK, Zero Books, 219 p.
23. Nagel, T. (1974). What is it like to be a bat? *The Philosophical Review*, 83 (4), pp. 435–450. <https://doi.org/10.2307/2183914>.
24. Paul, L. (2014). Transformative Experience. N.Y., Oxford University Press, 189 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198717959.001.0001>.
25. Tallis R. (2023). The How & Why of Consciousness. *Philosophy Now*, (159), pp. 62–63.
26. Thompson, E. (2020). Death: The Ultimate Transformative Experience, in: E. Lambert and J. Schwenkler (ed.) *Becoming Someone New. Essays on Transformative Experience, Choice, and Change*. N.Y., Oxford University Press, pp. 1–30. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198823735.003.0016>.

**For citing:** Borisov, S. V. (2025)  
Epistemological pessimism  
and epistemological optimism in the context  
of Daniel Dennett's heterophenomenology.  
*Sotsium i vlast/Society and Power*, 22 (2), pp. 39–55.  
<https://elibrary.ru/vuznwy>.

## SCIENTIFIC ARTICLE

EDN VUZNWy  
HAC (Higher Attestation Commission) 5.7.1  
UDC 141.1 + 141.2  
Code of State Categories Scientific and Technical  
Information 02.15.21

## EPISTEMOLOGICAL PESSIMISM AND EPISTEMOLOGICAL OPTIMISM IN THE CONTEXT OF DANIEL DENNETT'S HETEROPHENOMENOLOGY

**Sergey V. Borisov,**

South Ural State University of Humanities  
and Pedagogy, Head of the Department  
of Philosophy and Cultural Studies,  
Doctor of Philosophy, Professor.  
Chelyabinsk, Russia.  
SPIN 4447-8503  
ORCID 0000-0003-0335-4405  
Scopus ID 56257560400  
Researcher ID L-3541-2017  
E-mail: borisovsv69@mail.ru

*Abstract*

The article is an extrapolation of the methodological principles of D. Dennett's heterophenomenology to epistemological problems concerning the limits of human cognition.

**Scientific novelty of the research.** Heterophenomenology provides a holistic vision of both the cognitive process and the cognizing subject. Since any events of reality can be transformed into speech acts, they thereby become knowledge about reality, a set of data. It is enough for the researcher to compile a catalogue of what is considered true in the context of a particular cognitive experience, using the intentional, projective or causal method of interpretation. Heterophenomenology is a principle of data organization.

**Methods.** The article considers two ultimate questions: "Are there types of knowledge that are not available to humans?" and "Does the quality of human reasoning change?" The answer to the first question presupposes the presence of information that is understandable to us, but which is impossible to obtain. The answer to the second question concerns information that we can obtain, but which we will not be able to understand. The position of heterophenomenology points to a way out of the impasse, proposing to focus on the following question: what are the compelling scientific grounds for asserting or believing in something? Regarding the answer to this question in relation to the limits of knowledge (the article focuses mainly on the problems of the origin of life and the origin of consciousness) we propose a pessimistic and optimistic position.

**Results.** Epistemological pessimism exposes the intentional attitude of the reverse perspective, when the interpretation of data is given in connection with the expected possibilities and successful experience of what has already been achieved. Epistemological optimism consists in the study of thoughts, abstracting from their habitat, when thoughts think themselves. Without destroying existing hierarchies, it is possible to create an updated map of the infinite complexity of being each time. Thus, the neutrality of heterophenomenological methodology expands the possibilities of philosophical work with the ultimate questions of human knowledge.

*Keywords:*

Daniel Dennett,  
autophenomenology,  
heterophenomenology,  
epistemological pessimism,  
epistemological optimism,  
reasoning,  
consciousness

*Article received:* 24.01.2025

*Reviews received:* 19.05.2025

*Accepted for publication:* 25.05.2025

Copyright: © Borisov S. V. (2025).  
Published by Chelyabinsk branch of RANEPa.  
Open access under CC BY-NC License 4.0.